

© 1995 г., ЭО, № 4

В. И. Бушков

ТАДЖИКИСТАН: ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ

В последние десятилетия человечество столкнулось с глобальными проблемами, главнейшими из которых, несомненно, стали разрушение среды обитания и нехватка ресурсов. При этом негативное воздействие на природу оказывают не только промышленно развитые общества, как принято считать, но и так называемые традиционные общества. Примеры такого воздействия многообразны. Оно развивается по различным сценариям, отражая специфику и разнообразие человеческих культур.

Мне хотелось бы показать одну из таких моделей, которая реализовалась в Республике Таджикистан (бывшей Таджикской ССР) — самом южном государстве Средней Азии. Предпринимая такой анализ, нам придется обратиться к довольно далеким истокам современной социальной жизни Таджикистана, потому что негативные изменения накапливались постепенно, под влиянием самых различных факторов.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Таджикистан как часть традиционного общества в социальном плане значительно отличается от обществ «западного» типа. В основе этого восточного социума лежит не обычная малая семья, т. е. родители со своими детьми, а более широкая семейно-родственная (или родовая) группа, называемая у таджиков арабскими словами *авлод*, *каум*, *хейш*, *буна* и др. В целом такой авлод состоит из группы родственников по мужской линии до седьмого колена с их женами и детьми. Еще сравнительно недавно такая группа сообща владела авлодной землей (*мулки авлоди*), которую группа обрабатывала, и другими средствами производства; ее члены проживали на одном участке. Во главе такой группы стоял *калони-хона*, или *калантари-хона* — глава дома, авторитарно осуществлявший свою власть. Авлоды носили имя или прозвище реально существовавшего предка. Такие микробщества были достаточно автономны экономически, имели собственную идеологию, основанную на вере в духов предков — *арвохов*, а также собственную территорию проживания. Парные, малые семьи своей экономики не имели, существуя в рамках общей экономики семейно-родственных групп¹.

За последние десятилетия указанные группы претерпели серьезные изменения. Практически была ликвидирована авлодная земля, сохранившись лишь частично в форме приусадебных участков. Это повлекло за собой смену экономического базиса, в качестве которого стал выступать общий фонд заработной платы, сосредоточенный у старшего группы. В значительной мере оказалась утерянной и общая территория проживания, так как по мере роста численности населения большие патриархальные семьи делились. Их отдельные звенья, называемые таджиками *туп*, отселялись на новые небольшие участки. Это происходило из-за тесноты и нехватки земли, уже не позволявших родственникам размещаться вместе. Данный факт дал некоторым исследователям возможность говорить о распаде авлодов и переходе общества на новую форму семейно-родственных отношений.

Однако на самом деле это не так. Авлоды полностью сохранились в качестве основной системообразующей таджикского общества. Как и прежде, семейно-род-

ственные группы сохраняют родовые самоназвания, члены этих групп ощущают на себе родовое единство. В полной мере сохраняются общая идеология и вера в единых духов предков, как и общая родовая обрядность, в рамках которой авлоды предстают перед сообществом как целостная структура. Самое главное — до сих пор не произошла массовая замена коллективистского самосознания индивидуальным. Это значит, что вся жизнь таджика определяется не столько индивидуальной волей, сколько волей и решениями родовых и иных общинных структур².

Над подобными семейно-родственными группами возвышаются соседские общины, кварталы — *махалля*. Устройство, структура и вся жизнь таких общин в целом аналогичны семейно-родственным и базируются на коллективистском, а не на индивидуальном начале. Можно также отметить, что нередко такие кварталы оказываются заселенными родственными в прошлом авлодами, иногда когда-то родственные авлоды заселяют соседние кварталы. В прошлом такие группы авлодов образовывали особые родовые структуры, близкие по типу соседским общинам. В настоящее время они полностью сохранились у афганских таджиков, в Таджикистане же подобные структуры существуют преимущественно в форме надмахаллинских образований типа *дах*, или *роат*³.

Характеризуя традиционное таджикское (и в целом таджикостанское, кроме, естественно, так называемого русскоязычного населения) общество, нельзя не остановиться на таком важнейшем для него институте, как мужские объединения. В недалеком прошлом этот институт объединял всех мужчин отдельных семейно-родственных групп или даже селений. Действовал он следующим образом. Поздней осенью, после окончания осенних полевых работ, все мужчины селений — от подростков до стариков — ежедневно собирались по вечерам в общинных домах. В XIX в. это были *алоухона*, т. е. «дома огня», впоследствии — специальные помещения при мечетях (*мехмонхона*, *худжра* и др.) или частные дома. На этих собраниях, главным ритуалом которых являлась совместная трапеза, обсуждались проблемы селения или личные дела жителей, принимались те или иные решения. Старцы вспоминали истории и предания, рассказывали об обрядах и традициях своего народа, советовали молодежи, как вести себя в той или иной ситуации. Собравшиеся читали книги преимущественно религиозного содержания. Если в селении был гость или останавливался путник, их размещали в тех же помещениях при мечетях и обеспечивали едой. Расспросы путников служили существенным дополнением к информации о жизни и событиях во внешнем мире.

На собраниях под аккомпанемент народных инструментов исполнялись народные песни. Поздно ночью женатые мужчины расходились по домам, а молодежь оставалась здесь же ночевать. Подобные собрания проводились до начала весенних полевых работ. Назывались они у таджиков по-разному: *тукма*, *гаштак*, *ган*, *ганхури*, *гаплаш*, *зиёфат* и др.⁴

Весьма заметной фигурой на этих собраниях был и настоятель (*имам*) мечети. Правда, он принимал участие в «официальной», а не в «развлекательной» части. Бывали, однако, исключения. В одном из селений Каратегина рассказывали о местном, в то время неофициальном настоятеле, который очень любил мужские собрания. Он играл на *дугаре* и пел популярную в то время песню: «Я встретил девушку, полумесяцем бровь...»⁵.

Таким образом, институт мужских объединений выполнял ряд важнейших для общины функций. Во-первых, в его рамках происходил обмен социально значимой информацией, из поколения в поколение передавались знания соционормативной культуры и жизненный опыт. Во-вторых, что самое важное, этот институт осуществлял неформальное управление жизнью общины. В его рамках происходило согласование решений и действий официальных (имам, староста селения) и неофициальных управленческих структур. Не выполнить принятого на собрании решения означало противопоставить себя сообществу, что в условиях традиционного общества было подобно самоубийству. Реальное значение мужских сообществ для жизни общинных социальных структур вполне сопоставимо с влиянием на жизнь населения структур государственного управления.

Мужские объединения как институт, регулирующий текущую жизнь населения, за последние десятилетия существенно изменились. Отметим лишь главное, на наш взгляд, изменение. Оно касается общих принципов формирования групп. Раньше эти группы были социально однородны и нерасчленены по возрастным группам. Теперь же в связи с усложнением социума, заметной социальной стратификацией и появлением в обществе новых профессий мужские объединения начали формироваться по профессиональным и иным интересам или социальным группам, объединяя мужчин примерно одного возраста. В то же время существенно расширились территориальные границы таких групп. Если в прошлом они были замкнуты в пределах одной семейно-родственной группы, то ныне стали объединять жителей нескольких селений или даже представителей некоторых организаций республиканского уровня.

Таким образом, указанная общинная структура не исчезла. Напротив, она приспособилась к новым условиям, переориентировавшись с архаичных вертикальных связей на современные горизонтальные, что позволило эффективно обмениваться значимой информацией и принимать в быстро меняющейся обстановке адекватные решения⁶.

На уровне селений и кварталов таджикстанское общество сохранило в целом свой патриархальный облик. Роль семейно-родовых и соседско-общинных связей в жизни современного общества вполне зримо проявилась в период общественно-го кризиса последних лет. В новые общественно-политические движения и организации вливались не столько отдельные индивидуумы, сколько группы лиц, принадлежавших к одному роду, мужскому объединению, кварталу или приходу. Митинговая активность населения, а позднее формирование отрядов самообороны и различных боевых групп основывались на той же традиционной базе. На аналогичных принципах строилась и организационная деятельность общественно-политических движений и партий, таких, например, как Исламская партия возрождения Таджикистана⁷.

Государственные структуры, привнесенные некогда в Среднюю Азию Россией, а затем советской властью, не вписались в ткань местного общества. Относясь свысока к формам и видам местной социальной организации, они существовали достаточно автономно и практически не затрагивали повседневную жизнь традиционных общин. Постепенно, сохраняя свой внешний «западный» имидж, государственные структуры все больше превращались в традиционные для восточных обществ структуры власти с их высокой авторитарностью и деспотичностью, специфическими правовыми нормами. В этом процессе до недавнего времени исламу принадлежала особая роль.

Давно став в Средней Азии не столько религией, сколько образом жизни, ислам превратился в консервант традиций, заставляя общество воспроизводиться с минимальными изменениями и ослабляя его адаптивные и трансформационные возможности. Эта нейтральная сама по себе охранительная функция ислама приобрела негативный оттенок: став формой общественного сознания, он не сумел оценить и соответствующим образом отреагировать на такой фактор общественного развития, как очень высокие темпы естественного воспроизводства населения в Таджикистане. Они составляли в последние десятилетия 3—4% ежегодно. В специфических физико-географических условиях Таджикистана, где 93% территории — это горы, только 40% площадей может быть использовано для ведения традиционного сельского хозяйства. Высокие темпы прироста населения привели к тому, что за последние 80 лет на жителя республики стало приходиться вместо 14 га территории лишь 2,6, а поливной земли — главного поставщика продовольствия — вместо 0,5 га чуть больше 0,1.

Между общинным характером общественных отношений в Таджикистане и спецификой демографического развития его коренного населения существует тесная связь. Она проявилась в том, что, несмотря на крайне высокое относительное аграрное перенаселение, сельчане очень неохотно мигрируют в города. Во-первых, из-за нежелания менять традиционный образ жизни, что не только не

одобряется общественным сознанием, но и прямо воспринимается как угроза его существованию. Во-вторых, из-за возможности разрыва традиционных родственных или соседних отношений, что также подрывает основы общественного бытия. Как известно, Таджикистан — единственная республика в составе бывшего СССР, где сельское население росло не только абсолютно, но и относительно.

Еще одним специфическим фактором социального развития Таджикистана стала промышленность, изначально создаваемая как часть общесоюзного экономического потенциала. Не нацеленная на комплексное экономическое обслуживание региона, плохо учитывающая особенности территории размещения и использовавшая технологии, которые были рассчитаны на иные природные и социальные условия, промышленность оказала крайне неблагоприятное воздействие на экологию и этносоциальное развитие Таджикистана.

Из-за невозможности обеспечить промышленность местной рабочей силой и другим производственно-промышленным персоналом (за исключением части легкой и пищевой) рабочая сила в плановом порядке «завозилась» из России и других европейских регионов. В результате в республике была создана так называемая бинарная система расселения. В ее рамках оказались отделены друг от друга в одном «национальном» государстве две наиболее крупные группы населения, отличающиеся друг от друга по всем этносоциальным и соционормативным параметрам (этнически, конфессионально, по языку, культуре, образованию и т. д.). На одном полюсе находилось крестьянство, жившее почти в 3,5 тыс. селений, на другом — работники промышленности, проживавшие в 18 городах и 49 поселках городского типа.

Подобная система расселения определила специфику социальной структуры таджикостанского общества и заложила колоссальный заряд конфликтности. Рано или поздно он должен был дать о себе знать. Это естественно, поскольку потребности таджикостанского населения в рамках бывшего СССР росли, а темпы естественного воспроизводства населения обгоняли рост собственного экономического потенциала. При этом непрерывно снижалась эффективность сельского хозяйства⁸.

О последнем свидетельствуют, например, следующие данные. В 1913—1914 гг. Таджикистан производил на душу населения 102,5 кг зерна в год (что было, кстати, совершенно недостаточно), в 1989—1990 гг. — 59—63 кг, а в 1993 г. — всего 44,6. Мяса было произведено в 1913 г. 46,7 кг, в 1989—1990 гг. — 21—22 кг и в 1993 г. — около 7 кг*. Душевое производство молока оставалось до 1993 г. в целом на уровне 80-летней давности⁹.

В настоящее время Таджикистан способен обеспечить свое население только овощами. Даже душевое производство плодов, ягод и винограда, чем всегда славился Таджикистан, за последнюю четверть века неуклонно снижалось.

Рассмотрим экологическую составляющую социоэкономического развития этого южного государства. В целом в Таджикистане сегодня с экологией неблагоприятно, как и в других государствах среднеазиатско-казахстанского региона. Однако экологические проблемы здесь имеют свою специфику. Существенное влияние на состояние окружающей среды оказывают такие отрасли, как энергетика и добывающая промышленность. Крупные водохранилища для обеспечения работы гидроэлектростанций и регуляции водостока строились без глубокой проработки последствий долгосрочного воздействия огромных масс воды (емкость Кайрак-кумского водохранилища более 5 куб. км, Нурекского — более 10 куб. км) на горные структуры, где еще не закончились процессы формирования современной орографии, а именно рост хребтов и опускание впадин.

Вопрос о таком воздействии в последние годы все чаще поднимается специалистами.

В 1985 г. на севере Таджикистана произошло мощное землетрясение.

* Последние цифры — только по живому весу скота и птицы вместе в общественном секторе.

Эпицентр его находился в западной части крупнейшего Кайраккумского водохранилища (или Таджикского моря, как его еще называют). В результате нескольких мощных толчков практически были разрушены кишлак Куптуллоук и г. Кайраккум, серьезно пострадала селения к югу от Ходжента. Жертвами землетрясения стали сотни людей.

Кроме того, при строительстве водохранилищ затопливались значительные массивы плодородной земли, как орошаемой, так и пастбищ, а также многие селения, жители которых вынуждены были переселяться в другие районы республики. Естественно, случившееся болезненно воспринималось переселенцами и способствовало росту социальной напряженности в местах переселений. При создании того же Кайраккумского водохранилища, зеркало которого заняло площадь 513 км², было затоплено около десятка кишлаков, образованных в 1920—1930-е годы осевшими тут тюркоязычными группами. Множество кишлаков пришлось переместить на территории, где им не угрожало затопление. Аналогичная ситуация возникала и при строительстве Фархадской и Нурекской ГЭС.

Неблагоприятно сказывается на экологической обстановке и расширение масштабов обводнения земель. Еще в начале XX в. специалисты подсчитали, что в Таджикистане может быть освоено под полив не более 650 тыс. га земли. Это — теоретический предел, учитывавший не технические возможности общества, а объективные характеристики ландшафта, почв, запасов воды и т. д. Эта цифра подтверждалась и позднее. Однако в последние десятилетия в планах появилась цифра 1 млн. га. При этом предполагалось орошать и горные склоны. Вполне понятно, что новые расчеты учитывали прежде всего технические, а не природно-экологические возможности. К настоящему времени уже орошено около 700 тыс. га земли. И природа начинает мстить людям. Происходит значительное засоление земель, что требует для промыва все больших объемов воды, которая уже на исходе. Даже ледники в горах Таджикистана стали уходить вверх.

На экологическое состояние республики оказывает отрицательное влияние и добывающая промышленность, интенсивно развивавшаяся здесь с 1930-х годов. Эта отрасль негативно воздействует на гидрологический режим, состав водостока и микроклимат в целом, способствует обеднению и вырождению растительного покрова. Известен беспрецедентный случай, когда на Кураминском хребте, служащем границей между Таджикистаном и Узбекистаном на севере республики, произошел сход целой горы (в сторону Узбекистана), недра которой интенсивно в течение нескольких десятилетий разрабатывались угледобытчиками. Под угрозой полного уничтожения оказался г. Ангрэн, население которого готовилось к эвакуации. К счастью, трагедии удалось избежать, поскольку гора остановилась, не дойдя до города.

Серьезные проблемы для экологии Таджикистана создают этнодемографическое развитие республики и традиционное хозяйство, прежде всего сельское. Здесь необходимо отметить давление всей совокупности возросшего населения на окружающую природу. Этот фактор впервые дал о себе знать на рубеже столетий, когда в широких масштабах началась вырубка горных лесов на топливо и для нужд строительства. В результате существенно изменились гидрологический режим обширных горных территорий и качество травяного покрова. В последующие десятилетия указанный процесс шел ускоренными темпами, принимая все более угрожающий размах.

Одновременно из хозяйственного оборота изымались равнинные пастбища. Земли стали занимать прежде всего хлопком. Так случилось с Курган-Гюбинской областью, юго-западом Кулябской области (современная Хатлонская), территориями к югу от Ходжента, с Голодной и Дальверзинской степями, где раньше пасли свои стада значительные по численности группы населения Таджикистана: тюркоязычные (узбеки, кураминцы, туркмены, киргизы) и таджики. В настоящее время практически заканчивается обводнение и распашка предгорной полосы правобережья Сырдарьи — последних не освоенных под земледелие участков Северного Таджикистана. На юге республики до сих пор сохра-

няются планы освоения под хлопок Дангаринского плато — крупнейшей до недавнего времени хлебной житницы Таджикистана. Все это увеличивает нагрузку на горные пастбища, которые стремительно деградируют.

Следует оговориться, что указанные процессы идут не только в Таджикистане, но и в других республиках Средней Азии с горным ландшафтом, таких, например, как Туркмения и Киргизия. В последней допустимая нагрузка на горные пастбища превышена более чем вдвое, и, по оценкам специалистов, уже через 5—10 лет там начнутся необратимые процессы¹⁰. Получается замкнутый круг. С одной стороны, для обеспечения продуктами животноводства быстро растущего населения требуется все больше скота, а территория пастбищ при экстенсивном скотоводстве не позволяет его содержать. С другой стороны, из-за оскудения видового состава трав падают привесы и общая продуктивность скота. По некоторым данным, средняя овца в Таджикистане весит ныне втрое меньше, чем в начале столетия.

Общая деградация окружающей среды ведет к усилению разрушительных последствий таких неприятных природных явлений, как снежные лавины, сели (грязевые потоки), ливни, землетрясения и т. д., которые теперь практически ежегодно уничтожают значительную часть экономической инфраструктуры республики.

Из политических решений, носивших двойственный характер для социального развития республики, следует отметить проведение в 1924 г. национально-государственного размежевания, в результате которого таджики наряду с другими народами получили свою государственность. Это решение породило так называемую проблему Самарканда и Бухары, поскольку в указанных городах проживало коренное таджикское население, поддерживавшее самые тесные исторические связи с Восточной Бухарой. Тогда же были заложены основы потенциальных конфликтов, связанных с периферией республики, например с Исфаринским районом, на границе Таджикистана и Киргизии. В последнем случае группы систем водопользования и современные административно-государственные границы не совпадают, что в условиях острейшего дефицита земельно-водных ресурсов не могло не вызвать конфликта между таджиками и киргизами.

Таким образом, к концу XX столетия Таджикистан столкнулся с целым рядом крупных социально-экономических проблем.

В политическом плане — это искусственные границы, не в полной мере отвечающие требованиям устойчивого национально-государственного развития и провоцирующие таджиков на пограничные конфликты и территориальные притязания. В социальном — наличие консервативных традиционных социальных структур, не предназначенных для эффективного общественного развития в изменившемся промышленном мире, а также противостояние двух крупных социальных групп — коренного и некоренного населения (впрочем, последняя проблема, кажется, уже решена). В экономическом — отсутствие жизнеобеспечивающей экономики, как промышленной, так и сельскохозяйственной. В демографическом — неконтролируемый рост численности коренного населения, не позволяющий даже сохранять достигнутый уровень благосостояния за счет внутренних ресурсов. В экологическом — разрушение среды обитания при отсутствии сколько-нибудь значительных пространств, имеющих рекреационное значение.

Нерешенность указанных проблем порождает социальное напряжение. Оно остро ощущается во всем среднеазиатско-казахстанском регионе и уже не раз приводило к социальным взрывам, как только рухнули политические и экономические цементирующие структуры общесоюзной государственности.

Начавшийся в конце 1980-х годов процесс пробуждения национальной активности таджиков протекал, по сравнению с другими республиками бывшего СССР, не очень активно, однако вскоре он принял лавинообразный характер. В результате было создано значительное количество региональных и общереспубликанских общественно-политических движений и клубов, а позднее и политических партий. Ведущими из них стали движение «Растохез» («Возрождение»), выделившаяся из него Демократическая партия Таджикистана, а также Исламская партия возрождения Таджикистана. Огромную роль в общественно-

политической жизни республики играли кулябское общество «Ошкоро» («Гласность») и бадахшанское «Лали Бадахшон» («Бадахшанский рубин»). Эти и другие общества и движения (главным образом общереспубликанского масштаба) объединяли в своих рядах преимущественно таджикскую национальную интеллигенцию. Однако на деятельности даже указанных организаций сказывались региональные менталитет и пристрастия их членов¹¹. Было велико и значение традиционных для Таджикистана сословий: сейидов, ходжей, ишанов и др.¹² В теории и практике многих движений и партий существенную роль играли и традиционные социальные структуры: семейно-родственные группы, мужские объединения, кварталы, мечети и т. д.

Уже с осени 1991 г. в Таджикистане наметилось гражданское противостояние между коммунистической властью и оппозицией, объединившейся на общей платформе антикоммунизма. В конкретных социальных и экономических условиях Таджикистана это противостояние приняло форму вооруженной борьбы. Однако сам ход борьбы и ее методы свидетельствовали о том, что используемые противоборствующими сторонами лозунги (в том числе коммунистические) — не более чем идеологическое прикрытие истинных целей. Если принять во внимание крайне ограниченный потенциал таджикстанской экономики, то можно сделать вывод: борьба за власть в Республике Таджикистан — это борьба за овладение ресурсами и за возможность распоряжаться ими. Не случайно сегодня доступ к политической и государственной власти получили криминальные структуры, в недрах которых прежде процветала теневая экономика.

В то же время война объективно стала стихийным регулятором демографического развития общества. В результате уменьшилось негативное влияние перенаселенности и общество возвратилось к тому состоянию регионального расселения, которое исторически сложилось здесь к началу XX столетия. Значительная часть коренного населения оказалась за пределами государства в итоге вооруженной борьбы и «добровольной» эмиграции. Практически все некоренное население покинуло территорию республики. Ныне (на 1993 г.) каждый пятый житель Таджикистана находится или в России, или в Афганистане.

В целом ситуация складывается так, что пока рано говорить о возможной стабилизации политического положения в республике. Вооруженная борьба способствует разрушению окружающей среды, подрывает экономику, а также молодую таджикстанскую государственность, ставя под угрозу само существование таджиков как этноса в будущем.

Примечания

¹ Бушков В. И. Таджикиский авлод тысячелетия спустя // Восток. 1991. № 5. С. 81.

² Лычагина Н. И., Чамкин А. С. Влияние культурных традиций Востока на хозяйственную деятельность // Социологические исследования. 1989. № 4. С. 13—15.

³ Каландарбеков П. Крестьянское землевладение в современном Афганистане. М., 1990. С. 46—64; Турсунов Н. О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII — начале XX в. Душанбе, 1991. С. 92, 93, 97 и др.

⁴ Рахимов Р. Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 148—154; Бушков В. И. Мужские товарищества у народов Средней Азии // Исламский вестник. № 1. 27 января 1994 г.; его же. Так им велел Заратуштра // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 74—77.

⁵ Полевые материалы В. А. Медведевой за 1969 г. Архив кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова.

⁶ Бушков В. И. Этнографические исследования в Таджикистане в 1992 г. // Полевые исследования. (Новая серия). М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 67.

⁷ Бушков В. И., Миккульский Д. В. Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., Институт этнологии и антропологии РАН. 1992. Док. № 26. С. 8 и др.

⁸ Могилевский И. Россия недооценивает опасность, идущую с юга // Независимая газета. 15 сентября 1994 г.

⁹ Подсчитано по: Народное хозяйство Таджикской ССР в 1989 г. Душанбе, 1991. С. 245 и др.; Статистический бюллетень. М., 1993. Сентябрь. № 48 (36). С. 93—96.

¹⁰ Ситнянский Г. Ю. Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства в Горной Киргизии // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 40—41 и др.

¹¹ О регионализме в Таджикистане см.: Бушков В. И., Миккульский Д. В. Таджикистан: что происходит в республике? // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993. Док. № 40. С. 18—31.

¹² О традиционных сословиях в Таджикистане см.: Бушков В. И., Миккульский Д. В. Общественно-политическая ситуация... С. 8—9, 21 и др.

Tadjikistan: A traditional society in postindustrial world

Social background of today's Tadjikistan is examined, as well as the recent changes in the republic's social situation.

V. I. Bushkov

© 1995 г., ЭО, № 4

О. И. Б р у с и н а

КИРГИЗИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АГРАРНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ

Обретшие в начале 90-х годов независимость республики Средней Азии — аграрные государства с быстро растущей сельской перенаселенностью, которая становится одним из важнейших факторов социального напряжения. Не составляет исключения и Киргизия. Хотя она и отличается от других республик региона сравнительно меньшей плотностью населения, ее исконно ведущая отрасль — скотоводство — требует гораздо больших свободных земельных пространств, чем земледелие в традиционно оседлых районах.

Анализ нынешнего состояния киргизской экономики позволяет сделать заключение, что специализация республики на животноводстве будет сохраняться. Чтобы создать стабильную самокупаемую экономику, на построение которой ориентируется правительство во главе с президентом А. Акаевым, иметь собственный экспортный потенциал, а также найти свою «рыночную нишу», Киргизии предстоит опираться на внутренние ресурсы. Государство располагает определенным набором минеральных (в частности, осуществляется добыча и обогащение ртуты и сурьмы в районе Алайского хребта, полиметаллических руд и природного урана на севере) и энергетических ресурсов (последних, впрочем, не хватает, часть их импортируется). Однако, по оценкам экспертов, шансы республики интегрироваться в мировую экономику низкие; единственно потенциальная сфера — это сельское хозяйство¹. Традиционно в рамках СССР республика специализировалась на разведении тонкорунных и полутонкорунных пород овец, лошадей и крупного рогатого скота. В настоящее время основная статья киргизского экспорта — натуральная шерсть².

Многие другие отрасли республиканского производства ныне переживают глубокий кризис. Начиная с 1991 г. идет катастрофическое падение производства. Так, в июле 1993 г., по сравнению с тем же периодом предыдущего года, объем промышленного производства сократился на 42, а продукции машиностроения — на 60%. Капитальные вложения в 1992 г., по сравнению с 1991 г., сократились более чем на треть (так же, как и ввод жилья)³. По данным Института мировой экономики и международных отношений РАН, производство валового внутреннего продукта в Киргизии сократилось с 1990 г. на 60%⁴.

Такой резкий спад производства обусловлен помимо разрушения межрес-